

Научная статья

УДК 316.4; 93

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-1-39-51

Спор о Вебере: проблема периодизации возникновения капитализма

Олег Константинович Трубицын

Новосибирский государственный университет

Новосибирск, Россия

trubitsyn77@mail.ru, ORCID ID: orcid.org/0000-0003-4549-0405

Аннотация

Многие современные исследователи предлагают отвергнуть веберовский подход, связывающий формирование современного капитализма с протестантизмом, как полностью ложный. В частности они при этом указывают на ложность периодизации: капитализм возник, по их мнению, не в эпоху Реформации, а гораздо раньше. В статье обосновывается тезис, что попытка опровержения веберовского тезиса через указание на неверность его периодизации представляется неубедительной. Рациональный капитализм действительно возник после Реформации и именно там, где она достигла успеха, что дает определенные основания для гипотезы о связи Реформации и формирования рационального капитализма. Конечно, само по себе это не доказывает истинности веберовской гипотезы, но во всяком случае мы не можем считать ее заведомо неверной.

Ключевые слова

капитализм, мир-экономика, социальная революция, промышленный переворот, Реформация, протестантизм, рационализация

Для цитирования

Трубицын О. К. Спор о Вебере: проблема периодизации возникновения капитализма // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 1. С. 39–51. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-1-39-51

The Weber Controversy: the Problem of Periodization of the Emergence of Capitalism

Oleg K. Trubitsyn

Novosibirsk State University

Novosibirsk, Russian Federation

trubitsyn77@mail.ru, ORCID ID: orcid.org/0000-0003-4549-0405

© Трубицын О. К., 2024

Abstract

Many contemporary researchers suggest rejecting Weber's approach, linking the formation of modern capitalism to Protestantism, as completely false. In particular, they point out the complexity of periodization: in their opinion, capitalism did not arise in the Reformation era, but much earlier. The article substantiates the thesis that the attempt to refute the Weber thesis by pointing out the incorrectness of its periodization seems unconvincing. Rational capitalism really emerged after the Reformation and exactly where it achieved success, which gives certain grounds for the hypothesis of the connection between the Reformation and the formation of rational capitalism. Of course, this in itself does not prove the truth of the Weber hypothesis, but in any case we cannot consider it to be obviously incorrect.

Keywords

capitalism, world economy, social revolution, industrial revolution, reformation, Protestantism, rationalization

For citation

Trubitsyn O. K. The Weber Controversy: the Problem of Periodization of the Emergence of Capitalism. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no 1, pp. 39–51. (in Russian)
DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-1-39-51

Веберизм – популярная и широко представленная парадигма обществознания. Веберовский подход к объяснению происхождения капитализма преподается во многих университетах как одна из наиболее обоснованных версий. Такие работы М. Вебера как «Протестантская этика и дух капитализма» [1990] и «Хозяйственная этика мировых религий» [2017] стали классикой социологии и экономической истории. В то же время за прошедший век накопилось много критических замечаний по отношению к некоторым частным утверждениям М. Вебера и к его подходу в целом. Подчас оценки данной теории весьма радикальны. Многие исследователи предлагают отвергнуть веберовский подход как полностью ложный и забыть его. Так, историк экономики Д. Макклоски уверенно провозглашает, что тезис Вебера «ошибочен с точки зрения теологии, с точки зрения экономической теории, с точки зрения истории. Но подобные новости не доходят до неспециалистов, которых продолжает приводить в восхищение манящий веберовский тезис про то, как из духовной искры возгорелось материальное пламя» [Капелюшников, 2018, с. 26]. Д. В. Катаев [2018], обобщая накопившиеся за сто лет претензии, приводит следующие основные критические позиции: 1) ложность периодизации: капитализм возник не в эпоху Реформации, а гораздо раньше; 2) рациональность и стремление к наживе существовали также задолго до Реформации, в частности присутствовали в католической культуре; 3) этика протестантизма у Лютера и Кальвина осуждает жадность наживы; 4) статистическая нерепрезентативность исследования Вебера: католиков-предпринимателей было не меньше, чем протестантов.

Соответственно возникает исследовательская проблема – какова реальная теоретическая ценность положений М. Вебера, в частности ключевой его гипотезы о связи капитализма и протестантизма? Наша цель – рассмотреть обоснованность критических замечаний в адрес Вебера и оценить, являются ли положения его теории все еще актуальными в теоретическом плане. В силу ограничений объема статьи ее задача будет более ограниченной и коснется только первого из возражений против веберовской теории из списка Д. В. Катаева. При этом мы будем

опираться на свое предшествующее исследование феномена капитализма рабства [Трубицын, 2023].

* * *

Итак, первый вопрос, который возникает при попытке оценить адекватность положений гипотезы М. Вебера, – это вопрос о периодизации возникновения капитализма. Ведь если современный рациональный капитализм как жизнеспособная и саморазвивающаяся система возник раньше XVI века, то попытки вывести его происхождение из протестантской этики являются очевидно ложными. Как ни парадоксально, в поддержку позиции М. Вебера по данному вопросу высказываются в основном марксисты, которых Вебер считал главными своими оппонентами. Так, в работах К. Маркса можно обнаружить его утверждение, что «хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию» [Маркс, 1987, с. 664].

Тем не менее, сейчас такая позиция уже не популярна. Многие современные историки склонны обнаруживать капитализм в цивилизациях далекого прошлого (Древней Греции и Рима и т. д.). Например, «Кембриджская история капитализма» обнаруживает капитализм уже в Вавилоне, средневековых Китае, Индии и на Ближнем Востоке [Володин, 2016]. И это нельзя связать исключительно с открытиями историков, полученными в послевеберовский период. Еще во времена самого Вебера ряд ученых, таких как Э. Мейер, М. И. Ростовцев и Ф. М. Хайхельхайм¹, обнаруживали периоды коммерческого подъема в истории древних и средневековых цивилизаций, что подвигало их интерпретировать данные периоды как «капиталистические». Э. Мейер относил возникновение античного капитализма, сменяющего античный феодализм, к VII–VI вв. до нашей эры: «Термины “капитал” и “капитализм” многократно объявлялись... недопустимыми для объяснения отношений античности. В действительности, Афины в пятом и четвертом веках стоят точно так же под знаком капитализма, как Англия с восемнадцатого и Германия с девятнадцатого столетия» (цит. по: [Ефимов, 2012, с. 618]). Греческое и римское рабовладение рассматривается в такой перспективе по аналогии с рабовладением в Америке периода Нового времени, как дополнение капитализма, а не как его отрицание [Алексеев, Нефедов, 2002]. Сходную интерпретацию дает М. И. Ростовцев в статье «Капитализм и народное хозяйство в древнем мире». Однако Ростовцев, как и Ф. М. Хайхельхайм, рассматривает всю мировую историю как сюжет борьбы капиталистического и социалистического принципов социальной организации, а не капитализма и феодализма, как Мейер. Для многих либеральных теоретиков капитализм в принципе естествен и универсален, поскольку там, где этому не мешают, повсюду сам собой вырастает рынок, появляются деньги, а эгоизм и своекорыстие неискоренимо заложены в природе человека. Подобно траве капитализм всюду стремится прорасти, если его не душит асфальт политического деспотизма и религиозных ограничений.

¹ Если быть точным, то основная работа Хайхельхайма по данной теме вышла уже в 1930-е гг., так что Вебер, очевидно, не мог быть с ней знаком.

Й. Шумпетер и Ф. Бродель не уходят столь далеко вглубь истории и утверждают, что капиталистические формы хозяйства возникли в период средневековья в городах-государствах Италии. При этом Нидерланды и Англия XVI–XVII веков мало чего нового добавили к их практикам. В пользу этого предположения говорит появление в Италии в XIV веке мануфактур, свободных от цеховых ограничений и регламентов. Но основной упор в доказательстве раннего зарождения капитализма делается на финансовых и торговых практиках. Шумпетер определяет капитализм как экономику, построенную на кредите, точнее говоря, как «такую форму частнособственнической экономики, в которой инновации осуществляются посредством заемных денег, что в общем... подразумевает создание кредита» [Schumpeter, 1939, p. 8]. Исходя из этого определения зачатки капитализма можно найти в хозяйственных практиках эпохи Возрождения. По мнению Ф. Броделя [1988; 1993], жизнеспособная и прогрессирующая рыночная экономика является необходимым условием возникновения капитализма. Но этого еще не достаточно. Бродель описывает экономику как потенциально трехуровневую структуру, где капитализм возникает только в случае формирования всех трех уровней. На нижнем уровне находится самодостаточная, рутинная, многообразная «материальная жизнь» домохозяйств. Средний этаж занимает собственно конкурентная рыночная экономика преимущественно на местных рынках. Эти этажи еще не составляют капитализма и могут присутствовать в экономической системе иного типа. Собственно капитализм возникает только, если над этими двумя этажами надстраивается этаж монополизированных рыночных ниш с высокой доходностью. Прежде всего сюда относится сфера высоких финансов, в частности биржи. И поскольку первая биржа в Брюгге появляется еще в начале XV века, то применительно к этому периоду, согласно его логике, уже можно уверенно говорить о сформировавшейся капиталистической системе. Хотя сам Ф. Бродель обнаруживает ее ранние истоки еще в XI веке, когда начинается активная коммерческая экспансия. И действительно, в это время ростовщичество становится в некоторых землях уважаемой формой деятельности, так как концентрация финансовых средств была нужна для финансирования увеличивающихся морских торговых перевозок.

А. Г. Франк и Б. К. Джиллс [1993] идут еще дальше и утверждают, что накопление капитала началось и было движущей силой исторического процесса на протяжении всей истории мировой системы уже почти пять тысяч лет. Хотя они и оговариваются, что термин «капитализм» лучше отбросить как ненаучный, фактически описываемая ими единая мировая система функционирует по «капиталистическим» принципам. Соответственно они, как и предыдущие авторы, утверждают, что около 1500 г. не было никакого резкого перелома между различными миросистемами или «способами производства». Как до, так и после этого времени процесс инвестирования осуществлялся частным капиталом и государствами, а государства жили частично на ренту от международной торговли, частично от налогов. И так называемое «данничество» в этом отношении ничем не отличается от современного налогообложения. Соответственно концепция «даннического способа производства» маскирует тот факт, что любое государство в принципе живет на налоги и что государства эпохи премодерна сосуществовали с коммерческим сектором, руководимым, как и сейчас, торговцами и банкирами.

* * *

В утверждениях данных авторов есть некоторая правота, поскольку действительно некоторые практики, которые принято считать капиталистическими, периодически возникали в разных обществах на протяжении тысяч лет. Однако эти аргументы в полной мере можно противопоставить формационной концепции К. Маркса, но не веберовскому подходу. Ведь собственно М. Вебер и не отрицает правомерности использования термина «капитализм» применительно к хозяйственным практикам, существовавшим еще до Нового времени². Но при этом он говорит о существовании политического капитализма, грабительского или авантюристического капитализма в эпоху, предшествующую европейскому Новому времени, отрицая существование в предыдущие эпохи именно современного рационального капитализма.

В смысле противопоставления эпохи модерна как капиталистической и преמודерна как докапиталистической более решительно, чем Вебер выступают марксисты, да и не только они. Так, Р. Хейлбронер и Л. Туроу [1994] полагают, что общества до Нового времени нельзя назвать полноценно капиталистическими, поскольку там были как минимум недостаточно развиты ключевые институты капитализма. В частности, отсутствовала рыночная система в ее современном виде: существовали рынки товаров, но не было рынков факторов производства и отсутствовала обширная сеть договоров, связывающих воедино всю экономику. В большинстве обществ преמודерна, именуемых энтузиастами удревления капитализма капиталистическими, отсутствовал институт гарантированной государством и неприкосновенной частной собственности – во всяком случае для всего населения, а не отдельных привилегированных групп. Л. Дюмон указывает, что в традиционном обществе собственность на землю имела совсем иное значение, нежели собственность на любое движимое имущество, поскольку «право собственности на землю непосредственно было связано с властью над людьми» [Dumont, 2000, с. 13]. Иными словами, земля считалась прежде всего основой военной силы или гражданской власти, а не капиталом, свободно обращающимся на рынке. Наконец, во всех обществах преמודерна было широко распространено внеэкономическое принуждение к труду. Так, сельскохозяйственные предприниматели Античности использовали преимущественно рабский труд, а не труд наемных работников. Таким образом, принуждение к труду было преимущественно внеэкономическим, а богатство являлось атрибутом власти.

Рассмотрим теперь несколько подробнее некоторые вопросы, вызывающие разногласия между сторонниками и противниками наличия существенного разрыва между эпохами модерна и преמודерна. В частности, стоит пристальнее взглянуть на проблему соотношения экономического и внеэкономического принуждения к труду. Представленный выше тезис о том, что в эпоху преמודерна принуждение к труду было в основном внеэкономическим, является выражением несколько упрощенного прогрессистского взгляда, решительно разводящего преמודерн как эпоху принудительного труда и модерн как эпоху экономического

² «Капитализм существовал в Китае, Индии, Вавилоне в древности и в средние века. Однако ему недоставало... именно того своеобразного этоса, который мы обнаруживаем у Франклина» [Вебер, 1990, с. 74].

принуждения, или «свободного» труда. Критики указывают на многочисленные факты, свидетельствующие о сильной упрощенности, если не ложности такого утверждения. Можно вспомнить не только о рабстве в Америке, широком использовании европейцами принудительного труда в колониях (например, бельгийском Конго в начале XX века), но также о различных практиках грубого принуждения в Англии вплоть до начала XIX века. Здесь можно привести примеры работных домов и принуждения согнанных огораживанием людей наниматься к ближайшему работодателю без возможности его покинуть под угрозой казни за бродяжничество. Это фактически означает крепостничество при формальной его отмене задолго до этого. Все это и дает основания скептикам отрицать решительный разрыв между преמודерном и модерном: и там, и там сосуществуют различные формы свободного (по сути вынужденного, но предполагающего возможность разрыва контракта с работодателем) и принудительного (не предполагающего такой возможности) труда.

Тем не менее, если говорить об идеально-типическом капитализме, то формы внеэкономического принуждения не являются для него органичными. Они могут принести временные выгоды, но в долгосрочной перспективе деформируют экономическое развитие и замедляют его. Если в период первоначального накопления капитала они могли сыграть свою жестокую, но прагматически полезную роль в развитии капиталистического хозяйства – за счет накопления капитала у предпринимателей и пролетаризации трудящихся, то по мере индустриализации эффективность капиталистических структур все больше вступает в конфликт с сохраняющимися пережитками внеэкономических форм принуждения. В итоге получается, что хотя ранний капитализм вполне может сочетаться с рабством и крепостничеством и даже получать от них выгоду, долгосрочное развитие капитализма все-таки связано с ликвидацией данных форм эксплуатации. Так что, хоть и с определенными оговорками, но можно говорить об эпохах принудительного и свободного труда. При этом развитие «образцового» капитализма в странах ядра мировой системы изначально способствует в них последовательному развитию собственно капиталистических форм эксплуатации свободного труда, в то время как на периферии мира-экономики встраивание в систему международного разделения труда может способствовать временной ревитализации более архаических форм эксплуатации. По мере индустриализации от использования последних отказываются уже практически повсеместно. Таким образом, в целом модернизацию характеризует постепенный процесс «освобождения» труда в капиталистическом смысле этого слова. Вот почему можно согласиться с мнением М. Вебера о том, что современное капиталистическое предпринимательство принципиально основано на рациональной организации свободного труда: если не развит рынок свободного труда, то из-за отсутствия регулярных сделок найма рабочей силы становится невозможным точный расчет трудовых издержек производства, являющийся основой рациональной организации бизнеса и современного рационального капитализма как такового.

Как верно отмечает Ф. Бродель, в период европейского средневековья исторически происходил подъем коммерции, предполагающий в том числе использование достаточно сложных финансовых инструментов. Например, орден там-

плиеров, возникший в XII веке, в XIII стал крупнейшей ростовщической сетью, а парижский орденский дом превратился в центр европейских финансов. Однако история тамплиеров – это не история успешно развивающегося бизнеса, а история беззащитного богатства. Когда они стали слишком богатыми и начали вызывать зависть королей, то в начале XIV века орден был разгромлен, а его богатства экспропрированы короной. Примечателен также случай банковских домов Барди и Перуцци, которые, помимо прочего, оказывали с конца XIII века Римской церкви услуги по сбору десятины в отдаленных регионах. В XIV веке они настолько опутали своими долговыми обязательствами английский королевский дом, что компания Барди даже добилась права взимать таможенные пошлины и некоторые виды налогов в королевских владениях. В свою очередь, банковские дома принимали деньги в рост от богачей со всей Европы. Однако дефолт по обязательствам английского короля привел в 1340 г. к тому, что банковские дома Барди и Перуцци обанкротились. Их падение снесло почти до основания нарождающийся капиталистический сектор. В связи с этим представляется справедливым утверждение И. Валлерстайна, что попытки капиталистических элементов захватить господствующие позиции в обществе до Нового времени были по существу неуспешными: «...там, где я вижу неудачу капитализма, другие видят его первые шаги» [2016, с. XXVIII].

К тому же стоит отметить, что развитие ростовщичества еще не свидетельствует о развитии рационального капитализма, т. е. способного эффективно развивать производство. Денежные ссуды в функционировании феодальной экономики играли иную роль, чем в системе рационального капитализма. В отличие от капиталистической банковской ссуды, ростовщическая ссуда по сути своей не была направлена на развитие производства. Она давалась индивиду, попавшему в сложную жизненную ситуацию и крайне нуждающемуся в деньгах как средстве платежа (обычно для оплаты долга). При этом устанавливался крайне высокий процент, что приводило к последующему изъятию у должника всей его прибыли, а часто и собственности. Процент устанавливался произвольно – исходя из платежеспособности клиента и степени его потребности в деньгах.

Также идее существования полноценной капиталистической системы в период премодерна можно противопоставить указание на то, что отдельные капиталистические практики обычно были ограничены существенным вмешательством со стороны государства, церкви и гражданского общества, поскольку они серьезно дестабилизировали общество и могли привести его к гибели. Здесь можно вспомнить традиции установления «справедливой цены» и «справедливой заработной платы» в средневековой Европе, а также ограничения на технологические инновации со стороны ремесленных цехов и купеческих гильдий. Это препятствовало росту социального неравенства, которое в условиях низкой производительности и при доходе большинства людей на уровне прожиточного уровня могло привести к гибели многих людей от голода, провоцировало социальные беспорядки и ослабление общества перед лицом внешней угрозы.

* * *

Неадекватность интерпретации Вавилонии, античного общества VII–VI веков до нашей эры, средневековых Индии, Китая или Европы как капиталистиче-

ских становится более наглядной, если мы принимаем в расчет не только чисто экономические параметры, но рассматриваем общество в комплексе. Капиталистическое общество – это не просто общество с капиталистической экономикой, но и с соответствующей «надстройкой», если выражаться в марксистских терминах.

Здесь можно прежде всего отметить специфику социального статуса коммерсантов, особенно финансового сектора в Европе преמודерна. В рамках феодальной системы, где основной формой нетрудового дохода был рентный доход, ростовщический капитал играл подчиненную роль и приобретал определенные «рентные» свойства. Первое проявлялось, в частности, в социальном положении ростовщиков, которые, в отличие от капиталистов последующего периода, вовсе не считались людьми почтенными и влиятельными. Наоборот, ростовщичество в католической средневековой Европе было делом презренным и общественно порицаемым. Поэтому его отдавали по большей части «нехристям» – евреям, которые были париями феодального европейского общества.

Противопоставление античного рабовладельческого, средневекового феодального³ и современного капиталистического обществ проводит, в частности, Р. Коллинз [2015]. По сути он берет основную формационную схему К. Маркса, но различия между типами обществ он проводит не по способу производства, а по исторически преобладающему типу рынка. Античное общество, по его мнению, базировалось на системе невольничьих рынков. Причем рабство в рамках его модели – это прежде всего форма обмена, а не форма производства, так как рабы выступают в первую очередь в качестве товаров, а не производителей. Производителями этого специфического «товара» были военные. Обладание рабами было основой политического влияния и социального престижа, наряду с клиентами, поэтому аристократы-рабовладельцы стремились максимизировать их количество не столько исходя из соображений выгодного вложения капитала, сколько ради иерархического статуса. Рабы составляли максимум 30–40 % от общей численности населения, но значимость рынка рабов была определяющей, поскольку прочие рынки были производными от него. Средневековое европейское феодальное общество было другим примером того, что Коллинз называет обществом с «аграрно-принудительным обменом». Здесь основной формой собственности была земля, а богатство, влияние и престиж определялись количеством контролируемых земель, зависимых крестьян и вассалов. Современный капитализм означает такое количественное преобладание рыночной динамики, когда все остальные структуры подчинены ей. При капитализме правящим классом, обладающим максимальным политическим влиянием и социальным престижем, являются владельцы капитала – капиталисты.

Впрочем, Р. Коллинз допускает существование досовременного капитализма, сосуществующего с распространенными практиками внеэкономического при-

³ Согласно популярным сейчас в медиевистике представлениям, понятие «феодализм» устарело в научном плане, так как является упрощением и вводит в заблуждение. Понятия «феодализм» и «феодальная система» были изобретены в XVII–XVIII вв. Современные историки полагают, что эти конструкции больше говорят о мышлении, ценностях и представлениях их авторов, чем об обществе, описывать которые они предназначены [Зарецкий, 2011, с. 80–81]. Тем не менее, с учетом оговорок, будем использовать понятие «феодализм» за неимением иного лучшего общепринятого понятия.

нуждения. Но фактически он признает, что это были отдельные очаги капитализма, неустойчивые и подверженные уничтожению. В частности таковыми, по его мнению, были монастырская экономика Китая и средневековой Европы. Монастырская организация вырвалась из домохозяйственной организации производства, поскольку монахи из-за своего безбрачия оказались за пределами системы семейного наследования собственности. В результате монастыри стали в рамках аграрно-принудительного общества первыми очагами свободно набираемой и мобильной рабочей силы. «Монастыри выступали в качестве корпоративных предприятий, чья прибыль могла быть только реинвестирована в дальнейшее производство...» [Коллинз, 2015, с. 342]. Но эти очаги религиозного капитализма были уничтожены государственной конфискацией.

Процесс становления рационального капитализма выступает по М. Веберу частным случаем общего процесса рационализации, который выходит в Новое время на качественно новый уровень. Это проявляется в религиозной Реформации, возникновении современной науки и развитии рациональной бюрократизации. В целом то, что Вебер называл рационализацией, можно также в первом приближении назвать модернизацией. Процесс модернизации, с точки зрения Р. Коллинза [2015], включает следующие четыре основных параметра: бюрократизация, секуляризация, капиталистическая индустриализация, демократизация. (Процесс демократизации представляется не универсальным, так что, видимо, лучше говорить о процессе становления современного национального государства.) Таким образом, становление современного рационального (модернизированного) общества помимо капиталистической индустриализации включает и другие параметры, связанные с организационными, политическими и культурными преобразованиями. Соответственно процесс становления капиталистического общества можно косвенно оценить по тому, насколько выражены прочие параметры модернизации. Н. С. Розов [2018] выделяет следующие этапы модернизации: предыстория модерна (начало XVI – середина XVII в.), ранний модерн и модернизация-1 (середина XVII – начало XIX в.), классический модерн и модернизация-2 (начало XIX – конец XX в.). И действительно, хотя сложно дать четкую дату начала всех этих процессов, определенно ее нужно искать только в эпоху Нового времени, но никак не раньше.

* * *

Итак, стоит признать, что при рабовладельческом строе, как и при феодализме, могли существовать отдельные капиталистические практики. Однако они повсеместно были ограничены серьезным вмешательством со стороны государства, церкви и гражданского общества. Домодерновый капитализм, если все же называть его так, обычно либо подавлялся традиционными институтами, либо дестабилизировал общество, ослабляя его перед лицом внешних угроз. Но все же, как представляется, более правильно ставить вопрос не так, существовал ли капитализм до Нового времени вообще, – все же у нас есть некоторые основания конвенционно именовать некоторые хозяйственные системы подобным образом. А лучше ставить его в иной плоскости: был ли домодерновый капитализм полноценным, т. е. продуктивным или, в терминологии Вебера, рациональным? Очевидно, нет, поскольку он не обеспечивал высоких темпов накопления произ-

водственного капитала, высоких темпов повышения производительности труда и экономического роста ⁴ и не обеспечивал возможности выхода из мальтузианской ловушки. Образцовый, идеально-типический капитализм подразумевает общество, преодолевшее ловушку мальтузианского роста, это капитализм индустриальный с массовым пролетариатом и тем, что К. Маркс называл реальным доминированием капитала. Или, как формулирует это Вебер, «целая эпоха может быть названа типично капиталистической лишь в том случае, когда покрытие потребностей капиталистическим путем совершается в таком объеме, что с уничтожением этой системы пала бы возможность их удовлетворения вообще» (цит. по [Капелюшников, 2018, с. 32]).

Тем не менее, с учетом противоречащих друг другу аргументов, не вполне очевидно, когда же возникает капитализм вообще и рациональный капитализм в частности. С одной стороны, мы имеем капиталистические элементы и отдельные практики, не образующие полноценной капиталистической системы в эпоху премодекна, а с другой, полноценный, уже вполне развитый капитализм XIX века. Но прежде чем стать вполне развитым, рациональный капитализм должен был где-то возникнуть как не вполне сформированная, но жизнеспособная система, потенциально способная стать полноценным индустриальным капитализмом. Данная система, нацеленная на ускоренный экономический рост и способная эффективно проводить первоначальное накопление капитала и пролетаризацию рабочей силы, должна в своем функционировании относительно быстро выводить производительные силы с доиндустриального на индустриальный уровень развития. Поэтому представляется оправданным не выводить ее истоки из глубокой древности, а обнаруживать их в эпоху Нового времени, когда происходит ускорение темпов экономического роста, но еще не произошел переход на индустриальную стадию развития производительных сил. Уверенно можно сказать, что рационального капитализма еще не было ни в Италии XIII–XV веков, ни в Испании и Португалии XVI–XVII веков, поскольку эти страны не смогли самостоятельно выйти на дорогу индустриализации и преодолеть ограничения мальтузианской ловушки. Наиболее убедительными претендентами кажутся Голландия XVI–XVII веков и, еще более, Англия XVII–XVIII веков, когда в ней уже активно формируются основы будущей индустриализации. В связи с этим XVI век выглядит хорошим претендентом на то, чтобы обнаруживать ранние истоки рационального капитализма именно в этой эпохе.

Можно заметить также, что оба эти претендента на первенство в развитии рационального капитализма являются странами протестантскими. И хотя в этих странах в эпоху прединдустриализации уже начались процессы секуляризации, речь шла еще о политической секуляризации, т. е. об ослаблении взаимного вли-

⁴ По мнению кембриджского экономиста Ха-Джун Чанга [2015], капитализм берет свое начало в Западной Европе в XVI–XVII веках. Разрыв между эпохой традиционной и капиталистической экономики можно проследить по тому, как выросли в Новое время темпы экономического роста в Нидерландах и Великобритании. Если между X и XV вв. доход на душу населения в Европе рос на 0,12 % в год, а в других регионах (Азии и Восточной Европе) еще медленнее – на 0,04 % в год, то в 1500–1820 гг. в Великобритании рост был 0,27 % в год, а в Нидерландах 0,28 % в год. Настоящий же рывок произошел в период промышленной революции, когда между 1820 г. и 1850 г. средние темпы экономического роста в Западной Европе составляли около 1 % в год.

яния религии и государства, а не о мировоззренческой секуляризации, т. е. ослаблении влияния религии на культуру, сознание и образ жизни большинства людей. Более того, стоит заметить, что в США, еще одном протестантском передовике капиталистической индустриализации, мировоззренческая секуляризация по большому счету произошла только в конце XX века.

В связи с этими соображениями представляется неубедительной попытка опровержения веберовского тезиса через указание на неверность его периодизации: рациональный капитализм действительно возник после Реформации и именно там, где она достигла успеха, что дает определенные основания для гипотезы о связи Реформации и формирования рационального капитализма. Конечно, само по себе это не доказывает истинности веберовской гипотезы, но во всяком случае мы не можем считать ее заведомо неверной, поскольку, вопреки утверждениям критиков, у нее имеются определенные исторические основания.

Список литературы

- Алексеев В.В., Нефёдов С.А.** Гибель Советского Союза в контексте истории мирового социализма // *Обществ. науки и современность*. 2002. № 6. С. 66–77.
- Бродель Ф.** Динамика капитализма. Смоленск: Полиграмма, 1993.
- Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М.: Прогресс, 1988. Т. 2. Игры обмена.
- Валлерстайн И.** Мир-система Модерна. М.: Русс. фонд содействия образованию и науке, 2016. Т. 1. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке.
- Вебер М.** Протестантская этика и дух капитализма // *Протестантская этика и дух капитализма: Избр. произведения*. М.: Прогресс, 1990. С. 61–272.
- Вебер М.** Хозяйственная этика мировых религий: Опыт сравнительной социологии религии. Конфуцианство и даосизм. СПб.: Владимир Даль, 2017.
- Володин А. Ю.** Глобальная история капитализма: вглубь веков и вширь континентов // *Экон. история*. 2016. № 3 (34). С. 98–102.
- Дюмон Л.** *Nomo aequalis*. Генезис и расцвет экономической идеологии. М.: Изд. дом NOTA BENE, 2000.
- Ефимов А. А.** Эдуард Мейер о проблеме «феодального» и «капиталистического» укладов в истории древнего мира // *Изв. Пензен. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского. Гуманит. науки*. 2012. № 27. С. 617–622.
- Зарецкий Ю. П.** Стратегии понимания прошлого. Теория, история, историография. М.: Нов. лит. обзор., 2011.
- Капелюшников Р. И.** Гипноз Вебера. Заметки о «Протестантской этике и духе капитализма» // *Экон. социология*. 2018. Т. 19. № 3. С. 25–48.
- Катаев Д. В.** Веберинский и антивеберинский дискурс: к вопросу о гипнотической силе классики на примере «Протестантской этики» // *Экон. социология*. 2018. Т. 19. № 5. С. 146–163.
- Коллинз Р.** Макроистория: Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2015.

- Маркс К.** Капитал. Критика политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения: В 9 т. М.: Политиздат, 1987. Т. 7.
- Розов Н. С.** Когда началась эпоха модерна и закончилась ли она? // Сиб. филос. журн. 2018. Т. 16. № 2. С. 63–74.
- Трубицын О. К.** К вопросу о рабовладельческом капитализме // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2023. № 2. С. 12–34.
- Хейлбронер Р., Туроу Л.** Экономика для всех. Новосибирск: Экор, 1994.
- Чанг, Ха-Джун.** Как устроена экономика. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015.
- Frank A. G., Gills B. K.** The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? L.; N. Y.: Routledge, 1993.
- Schumpeter J. A.** Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analyses of the Capitalist Process. N. Y.: McGraw – Hill Book Company Inc., 1939.

References

- Alekseev V. V., Nefedov S. A.** The death of the Soviet Union in the context of the history of world socialism // Social Sciences and Modernity. 2002. No. 6. P. 66–77. (In Russian)
- Braudel F.** Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries. M.: Progress, 1988. Vol. 2. Exchange games. (In Russian)
- Braudel F.** The dynamics of capitalism. Smolensk: Polygram, 1993. (In Russian)
- Chang Ha-jun.** How the economy works. M.: Mann, Ivanov and Ferber, 2015. (In Russian)
- Collins R.** Macrohistory: Essays on sociology of long duration. M.: URSS, 2015. (In Russian)
- Dumont L.** Homo aequalis. The genesis and flourishing of economic ideology. M.: Nota Bene Publishing House, 2000. (In Russian)
- Efimov A. A.** Eduard Meyer on the problem of “feudal” and “capitalist” ways of life in the history of the ancient world // Izvestiya Penza State Pedagogical University named after V. G. Belinsky. Humanities. 2012. No. 27. P. 617–622. (In Russian)
- Frank A. G., Gills B. K.** The World System: Five Hundred Years or Five Thousand? L.; N. Y.: Routledge, 1993.
- Heilbroner R., Turow L.** Economics for all. Novosibirsk: Ekor Publishing, 1994. (In Russian)
- Kapelyushnikov R. I.** Hypnosis of Weber. Notes on “Protestant ethics and the spirit of capitalism” // Economic Sociology. 2018. Vol. 19. No. 3. P. 25–48. (In Russian)
- Kataev D. V.** Weberian and anti-Weberian discourse: on the question of the hypnotic power of the Classics on the example of “Protestant Ethics” // Economic Sociology. 2018. Vol. 19. No. 5. P. 146–163. (In Russian)
- Marx K.** Capital. Criticism of political economy // Marx K., Engels F. Selected works. In 9 volumes, vol. 7. M.: Politizdat, 1987. (In Russian)
- Rozov N. S.** When did the modern era begin and did it end? // Siberian Philosophical Journal. 2018. Vol. 16. No. 2. P. 63–74. (In Russian)
- Schumpeter J. A.** Business Cycles: A Theoretical, Historical and Statistical Analyses of the Capitalist Process. N. Y.: McGraw – Hill Book Company Inc., 1939.

- Trubitsyn O. K.** On the question of slave-owning capitalism // Philosophy and Humanities in the Information Society. 2023. No. 2. P. 12–34. (In Russian)
- Volodin A. Y.** The global history of capitalism: deep into the centuries and the breadth of continents // Economic history. 2016. No. 3 (34). P. 98–102. (In Russian)
- Wallerstein I.** The World is a Modern system. Volume I. Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the XVI century. M.: Russian Foundation for the Promotion of Education and Science, 2016. (In Russian)
- Weber M.** Economic Ethics of World Religions: Experiments in comparative Sociology of Religion. Confucianism and Taoism. St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2017. (In Russian)
- Weber M.** Protestant ethics and the spirit of capitalism // Protestant ethics and the spirit of capitalism. Selected works. M.: Progress, 1990. P. 61–272. (In Russian)
- Zaretsky Yu. P.** Strategies for understanding the past. Theory, history, historiography. M.: New Literary Review, 2011. (In Russian)

Информация об авторе

Трубицын Олег Константинович, кандидат философских наук, доцент
Доцент кафедры философии Новосибирского государственного университета

Information about the Author

Oleg K. Trubitsyn, Candidate of Sciences (Philosophy), Docent
Docent, Chair of Philosophy, Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 12.01.2024;
одобрена после рецензирования 25.01.2024; принята к публикации 7.02.2024*

*The article was submitted 12.01.2024;
approved after reviewing 25.01.2024; accepted for publication 7.02.2024*